

ГЛАВА 20

Утром я просыпаюсь с мыслями о том, что всё это было чудесным сном. Невероятным, почти невозможным, но таким чудесным сном. Гай дал мне возможность наконец глотнуть свежего воздуха, в котором я нуждалась так долго.

Место рядом со мной пустует. На часах всего пять утра.

Услышав шум воды, доносящийся из ванной, я встаю и направляюсь напрямик к двери. Она оказывается незапертой. Вся ванная комната заполнена запахом шампуня и жарким паром, похожим на туман, и на его фоне выделяется мужской силуэт в душевой кабинке. Я подхожу ближе, понимая, что Гай стоит ко мне спиной. Мускулы при каждом его движении двигаются под кожей, завораживая, и этот вид не портят даже шрамы по всей его спине. Вода струится по потемневшим волосам, шее, широким плечам.

В моменте Гай поворачивается и вздрагивает от неожиданности, пока мыльная пена течёт по его лицу, на котором миготом отражается удивление.

— Каталина? — растерянно выдаёт он.

Я хихикаю:

— Прости. Не хотела тебя напугать.

Гай выглядит смущённым и тут же инстинктивно пытается прикрыть руками своё мужское достоинство. Это смешит меня ещё сильнее.

— Ты что, — хохочу я, — стесняешься меня?

— Нет, просто... — заикаясь, отвечает он, часто моргая. — Это было неожиданно.

Я бросаю взгляд вниз, намекая на то, что он старается не показывать мне самое интересное. Успеваю лишь расплывчато увидеть надпись «Бездна вызывает к бездне».

— Стесняешься.

Гай подносит лицо к струе воды, чтобы смыть остатки шампуня. Я решаю его не отвлекать и, усмехнувшись, подхожу к раковине, чтобы умыться и почистить зубы. Борьба с соблазном пялиться на отражение Гая в зеркале оказывается сложнее, чем я думала, так что моментами взгляд всё-таки падает на его обнажённое тело, стремясь вниз. Мне даже приходится себя одёргивать. *Извращенка!*

Наконец он выключает воду и выходит из душевой кабинки, тут же потянувшись к халату, чтобы накинуть его на себя.

— Выспалась? — как ни в чём не бывало спрашивает он, подойдя ближе и оказываясь за моей спиной.

Я смотрю в его глаза через отражение в зеркале.

— Да, — отвечаю. — А ты?

— Нет.

Я вопросительно гляжу на него. Гай со смешком выдаёт:

— Просыпался каждый час, чтобы убедиться в том, что ты всё ещё спишь рядом.

На моём лице расплзается грустная улыбка, потому что я вспоминаю похожие слова, что он когда-то говорил:

«Я часто произношу твоё имя, чтобы убедиться в том, что ты всё ещё не ушла».

Гай касается своих щёк и подбородка, видимо, проверяя, нужно ли сегодня бриться. Я раньше не за-

думывалась о том, что у него может что-то расти на лице. Потому что оно всегда такое гладкое.

Я точно знаю, потому что однажды это лицо находилось у меня между ног.

— Нам что, теперь надо спускаться на идиотский завтрак? — спрашиваю я, постаравшись отвлечь себя, иначе эти мысли не оставят мне никакого шанса.

— Сперва я позанимаюсь в зале.

У меня глаза зажигаются от восторга.

— Можно мне с тобой? — я поворачиваюсь к нему, бросив зубную щётку в стаканчик. Боже, Гай, оказывается, стоит ближе, чем я думала.

— Соскучилась по тренировкам? — улыбается он, глядя на меня сверху вниз.

— Да, очень. Это было моим единственным хобби в моей золотой клетке.

— Но ведь у тебя сейчас...

— Махать руками моя кровотокающая матка мне пока позволяет.

Гай коротко смеётся, а потом наклоняется, кладя руки на раковину по сторонам от меня. Его лицо оказывается очень близко к моему, дразня и провоцируя. Я даже минимальных сил не прикладываю к тому, чтобы не глядеть на его всё ещё мокрую грудь, скрытую под халатом. Татуировки почти не видно за тканью, проглядывают лишь некоторые фрагменты, но мышцы груди проступают уже более заметно. Ну какие же у него обалденные сиси. Так и хочется помякать...

В ванной и так жарко, а теперь становится ещё жарче.

— Мои глаза выше, — усмехается Гай, приводя меня в чувства.

— Так ты возьмёшь меня с собой? — перевожу я тему, иначе просто свихнусь.

— Разве я могу отказать моей милой девочке в какой-то просьбе?

— Нет.

— Вот и всё.

И чуть позже мы спускаемся в спортзал. Я в его чёрной футболке, еле скрывающей мою задницу, а он в чёрном спортивном костюме, состоящем из майки и свободных штанов на резинке. Впервые вижу его не в строгом классическом наряде. Это выглядит как что-то экзотическое. Из-за отсутствующих рукавов видна татуировка с птицей фениксом у него на руке.

Спортзал Харкнессов выглядит как отдельный, продуманный мир, воплощающий одновременно роскошь и функциональность. Высокие потолки, облицованные светлым деревом, создают ощущение простора, а большие окна во всю стену пропускают обильный утренний свет, который отражается от спортивного оборудования. На полу мягкое, нескользящее покрытие, приятное для ног. Вдоль стен располагаются стеллажи с гантелями разного веса. Рядом стоят многофункциональные тренажёры — от кардиотренажёров с сенсорными экранами до силовых станций с хромированными деталями. В другой части зала стоят удобные, регулируемые по высоте скамейки для пресса и йоги. Воздух здесь пахнет свежестью и цитрусовыми.

В углу красуется боксёрский ринг, обтянутый гладкой кожей, а рядом — груша и набор перчаток. Я без слов подбегаю именно к ним.

— Предсказуемый выбор, моя роза, — улыбается Гай, скрещивая на груди руки.

— Да, и что?

— Продемонстрируй мне, что умеешь делать, — просит он, приблизившись.

— Я уже позабыла большую часть своих умений, — признаюсь я. — Это было давно.

— Твоё тело определённо всё помнит.

Пожав плечами, я встаю в боксерскую стойку перед ним. Гай внимательно скользит взглядом по каждому миллиметру моего тела, и я ненароком снова вспоминаю о том, что совсем недавно стояла перед ним обнажённая, он же первым делом взглянул на шрам на моей ноге. Идентичный есть и у него, я прекрасно помню.

— Хорошая стойка, — одобрительно кивает Гай, а потом делает пару шагов в мою сторону. — Но постарайся держать руки ближе к груди и лицу. — Он хватает меня за запястья и слегка меняет положение моих рук. — Перечисли мне основные удары в боксе.

Я напрягаю память, чтобы вспомнить то, чему меня обучал мой личный тренер, приехавший к нам домой каждые выходные ещё в Медине.

— Джеб*, — начинаю я, когда в голове легко всплывают термины, — хук, апперкот... Свинг** и кросс***.

— Правильно, — улыбается Гай, — а ещё джолт****. Покажи мне, к примеру... хук.

Хуком в боксе называется прямой удар, я прекрасно это помню. Тренер в первую очередь обучал меня именно ему.

Выполняю удар согнутой под прямым углом рукой без замаха. Масса тела в случае хука используется максимально, поэтому чаще всего именно этот вид

* Прямой удар в боксе, который используется преимущественно на дальней дистанции.

** Боковой удар, который наносится с дальней дистанции.

*** Разновидность встречного удара, которая относится к числу наиболее сильных контратакующих действий. Наносится в момент контратаки на атакующую руку соперника.

**** Короткий прямой удар, выполняемый в корпус.

удара — нокаутирующий. Гай успевает перехватить мою руку, направленную в его челюсть.

— Неплохо, — одобрительно говорит он. — Во время поединка с соперником это один из лучших способов отправить его в нокаут. От хука сложно защититься, траектория у него непредсказуемая. Ты ведь знала об этом?

— Но тем не менее ты защититься успел, — усмехаюсь я, переводя взгляд на его руку, перехватившую мою.

— Потому что мы сейчас не на ринге, милая.

Ох, кажется, у меня на пару мгновений перестало биться сердце. То, как звучит это «милая» из его уст...

— Теперь продемонстрируй мне апперкот.

Удар снизу, вспоминаю я. Обычно выполняется в голову или корпус. Удар, поражающий самые уязвимые места — челюсть, печень, солнечное сплетение. Выполняю его как бы в замедленной съёмке, чтобы просто показать, что знаю, как выглядит апперкот.

— Умница. — Стараюсь проигнорировать то, как мягко он касается моего кулака и потирает костяшки пальцев. — Часто боксёры, уклонившиеся от хука в нырке или уклоне, используют его для контратаки.

— Но для боя на дальней дистанции он неэффективен, — добавляю я почти гордо, поддерживая разговор.

Удивительно, что после всех сложностей, через которые мы прошли, включая ненависть и любовь, одной из тем, сблизившей нас, стал бокс.

Гай улыбается.

— Верно.

Его улыбка причиняет мне боль, потому что каждый раз, видя её, я вспоминаю, как жестоко поступила с её обладателем. Человек, который *так* улыбается, не заслуживает столько страданий.

— Почему ты выбрала бокс? — спрашивает Гай. — Это, можно сказать, один из самых суровых и жёстких видов спорта. Сомневаюсь, что ты собиралась участвовать в настоящих боях. Почему именно бокс?

— Мой брат, Дилан, любил смотреть соревнования по боксу по телевизору, а как-то раз мы узнали, что рядом проходят уличные бои.

Гай смеётся, с удивлением интересуясь:

— Неужели вы пробрались на уличные бои, и они настолько тебя впечатлили, что ты решила заняться боксом? Я не знал об этом.

— Так и было вообще-то, — улыбаюсь я, сама не до конца понимая, как так вышло. — Мои родители ведь всегда контролировали меня, и я пообещала маме хорошо учиться и вести себя подобающе, если она разрешит мне заниматься спортом. Она, конечно, не одобрила бокс, но папа заступился и сам нашёл мне тренера среди знакомых. Так я и начала практиковаться.

Гай долго смотрит на меня, словно глубоко окунувшись в раздумья, потом касается моих волос, заставляя меня сделать резкий, но незаметный для него вдох.

— Знаешь, Каталина, — начинает он немного тише, чем обычно, будто не хочет, чтобы нас услышали лишние люди, — ты так привыкла играть роль хорошей девочки, что совсем забыла о своих способностях. Ты занималась боксом. — Он берёт мою руку, проводит пальцами от запястья до плеча. — У тебя крепкие мышцы, натренированные, я вижу. С такими данными ты могла бы крутить всеми как только тебе захочется. — Гай выпускает мою руку и обводит меня взглядом. — Но ты почему-то выбрала быть послушной маленькой девочкой. Тебе нужно выйти из этого состояния.

Меня так удивляют его слова, что я раскрываю рот от растерянности. Мне всегда казалось, что моя «хо-

рошая и послушная девочка», живущая внутри, как раз и выгодна ему. Думала, что он хочет видеть именно её сейчас, пока мы в доме его семьи. Ведь такая не будет наживать проблем, провоцировать, и она точно более-менее всем нравится. Но потом до меня доходит, как он прав, и как же я с ним согласна.

— Продолжим? — спрашивает Гай, отходя от меня.

Я киваю, и он тут же задает следующий вопрос:

— Сколько раз ты можешь отжаться?

Я задумываюсь, потому что редко отжимаюсь до предела.

— Наверное, около сорока, — отвечаю я.

— В следующий раз используй эту силу для того, чтобы усмирить Зайда, если он снова попытается причинить тебе вред.

— Но тогда я этого заслуживала.

Брови Гая хмурятся.

— Нет. Никто не имеет права поднимать руку на девушек. Даже Зайд. Я едва сдержался, чтобы не сломать ему руку, которой он тебя держал в тот день.

Качаю головой, частично не соглашаясь с этим. Да, когда тебя душат — ощущения не особо комфортные, но я заслуживала боли. Зайд просто... не смог себя контролировать. Я не виню его.

Желая не мусолить эту тему, я с интересом прищуриваюсь, спрашивая Гая:

— А сколько раз отжимаешься ты?

Он молчит какое-то время, поняв, что я его отвлекаю, но решает не продолжать разговор о Зайде. Слава богу. Он всегда прекрасно понимает, когда лучше уступить.

— Могу показать, — отвечает Гай, наклоняется, а потом принимает нужное для отжиманий положение. — Ложись мне на спину.

— Что? — растерянно переспрашиваю я.

— Ложись мне на спину, чтобы создать дополнительный вес. Я не люблю отжиматься только со своим весом.

Неуверенно подойдя к нему и сев перед ним на колени, я спрашиваю:

— Ты уверен? Что, если я слишком тяжёлая?

— Я жму в два раза больше твоего веса, Каталина. Не говори глупостей.

Округлив глаза от шока, я нервно прокашливаюсь, а потом всё-таки решаю сделать то, о чём он просит. Я хватаюсь за его плечи и со смехом забираюсь на спину, ощущая себя каким-то дурачащимся ребёнком.

— Ты уже залезла полностью? — недоумённо спрашивает Гай.

— Да.

— Ты вообще ешь что-нибудь? Почему ты такая лёгкая?

— Может, это просто ты такой сильный? — со смешком замечаю я.

И с его стороны раздаётся идентичный смешок, прежде чем он начинает отжиматься. Я лежу на нём, прижавшись к его телу, крепко держась, пока он легко опускается, а потом поднимается. Я грудью чувствую, какая у него крепкая спина, чувствую движения мышц, лопаток, люблюсь его силой, каменеющими мускулами на плечах, венами, которые выступают под его кожей от напряжения.

— Ты считаешь? — спрашивает Гай неожиданно.

— Ой, — виновато выдаю я. — Прости, я засмотрелась. Отсюда такой классный вид.

Он останавливается, и его грудь слегка трясётся от смеха. Цепочки на его шее издают лязг, свисая вниз.

— Мне начать сначала, моя роза?
— Нет, продолжай. А я постараюсь не пускать слюни дальше. Но не обещаю.

Он смеётся снова.

— Но суть ведь была в том, чтобы я продемонстрировал, сколько раз я могу отжаться, — напоминает Гай насмешливым тоном.

— Но теперь суть в том, чтобы позволить мне просто насладиться видом, — говорю я с той же интонацией, глядя на его красивые руки.

Я поражаюсь тому, как легко, судя по всему, ему это даётся — отжиматься вместе с человеком на спине. Какие у него крепкие руки... Он продолжает, а я считаю вслух. *Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят...*

— Почему ты не рассказывал мне о том, что это ты увёз Тео? Что он никуда не сбежал.

Этот вопрос срывается с моих губ совершенно бесконтрольно. Он не оставлял меня в покое. Наверное, поэтому решил самостоятельно вырваться на свободу, чтобы я получила ответ. Гай замирает.

— Это так важно? — спрашивает он после небольшой паузы.

Ох, получается, никаких вопросов по типу: «Откуда ты знаешь?». Выходит, он уже в курсе. Неужели Тео проболтался?

— Просто... — начинаю я. — Не знаю. Ты говорил, что он исчез, и ты не знаешь, где он. А потом я... встречаю его в Вегасе. Ты в курсе, что он встречается с моей тётушкой?! А она старше его лет на пятнадцать или даже больше, это точно!

Гай наклоняется к полу, давая мне слезть, а потом встаёт. Он выглядит обеспокоенным и смущённым одновременно.

